

Поэт и поэзия

Поэзия Фета никогда не задавалась целями нравственного воздействия. Она, подобно всему истинно прекрасному и изящному, настраивает душу на гармоничный лад, делает людей более мягкими и симпатичными и вообще служит общему делу эстетического воздействия. Сам поэт определяет значение поэзии в жизни людей следующим образом:

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуть ветер с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитья вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

Таким образом, по мнению Фета, предмет поэзии — все высокое и светлое, что возвышает душу человека, но что часто забывается им среди житейских мелочей и дрязг; цель поэзии — заставить человека позабыть этот буднично-мир, уйти из него и перенестись душою в мир красоты и идеала, чтобы здесь оживиться сердцем.

По И. Глебову

Предмет поэзии — все высокое и светлое, что родственно душе человека, но что забывается им среди житейских мелочей и дрязг; цель поэзии — заставить человека уйти из этого будничного мира призраков и вознестись душою в мир красоты и идеала, чтобы здесь ожить и освежиться душою.

Следовательно, поэт должен высоко ценить свой дар, полученный от Бога, и отнюдь не должен унижаться до служения толпе:

Музе

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к Тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

Вот почему поэтом не должны руководить никакие земные цели: одна лишь любовь к прекрасному, возвышенному должна быть его постоянной целью:

Псевдопоэту

Молчи, поникнув головою,
Как бы представ на Страшный суд,
Когда случайно пред тобою
Любимца муз упомянут!

На рынок! Там кричит желудок,
Там для стоокого слепца
Ценней грошовый твой рассудок
Безумной прихоти певца.

Там сбыт малеванному хламу,
На этой затхлои площади, —
Но к музам, к чистому их храму,
Продажный раб не подходи!

Влача по прихоти народа
В грязи низкопоклонный стих,
Ты слова гордого свобода
Ни разу сердцем не постиг.

Не возносился богомольно
Ты в ту свежующую мглу,
Где беззаветно лишь привольно
Свободной песне да орлу.

Таким образом, поэзия должна быть выразительницей высокой чистой красоты, но часто эта красота оказывается выше человеческого слова, и поэт томится невозможностью воплотить тот дивно прекрасный образ, который живет в его душе, «и в сердце, как пленная птица, томится бескрылая песня».

Эта мысль высказывается поэтом в целом ряде стихотворений.

Только встречу улыбку твою,
И взгляд уловлю твой отрадный —
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленную трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо

Вот другое стихотворение, еще яснее проводящее ту же мысль:

Как богат я в безумных стихах!
Этот блеск мне отраден и нужен:
Все алмазы мои в небесах,
Все росинки под ними жемчужин.

Выходи, красота, не робей!
Звуки ест, дорогие есть краски:
Это все я, поэт-чародей,
Расточу за мгновение ласки.

Но когда ты приколешь цветок
Шаловливо иль с думой лукавой,

И, как в дымке, твой кроткий зрачок
Загорится сердечной отравой,

И налет молодого стыда
Чуть ланиты овеет зарею, —
О, как беден, как жалок тогда,
Как беспомощен я пред тобою!

По М. Быстрову

«Поэтов, героев и царей» Фет в своем творчестве выделяет в особую категорию. Они одеты «нетленностью божественной». Их цель — «блюсти, хранить и возвышать народы». Цель эта состоит не в том, чтобы спускаться к массам и улаживать их нужды. Как «горная высь» они должны «звать смертных взоры на синеву небес». Ее «не омрачит земли тоска» и «не тронет вздох бессильный», ее судьба — «на гранях мира не снисходить, а возвышать». Поэты возвышают народы тем, что дают возможность любоваться радугами красок и забываться в мечтах:

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душевных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

Мораль поэзии Фета построена на основе того же аристократически беспечного романтизма. Различие добра и зла существует для земли, для тех миллионов, которые несут свой поденный труд, но он не существует на высотах красивого мира, выдуманного Фетом. Одно дело — непосвященные, другое — избранники-поэты. В стихотворении «Добро и зло» Фет проводит эту идею о двойственном отношении к морали со стороны поэтов и не поэтов. Он ничего не имеет против того, чтобы массы людские различали дурное от хорошего, вели упорную борьбу со злом для достижения мирских благ.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом —
И мир свои раскроет блага...

И не только согнувшись «над роковым трудом», но даже «в час отдохновения», когда он «подъемлет потное чело» к небу, когда он мог бы, казалось, тоже, по примеру поэтов, «зачерпнуть каплю стихии чуждой запредельной», — обыкновенный смертный, по учению Фета, не должен пытаться сравняться с поэтами. И в минуты отдыха, — говорит ему Фет, — «быть не мысли божеством», «не бойся горького сравнения и различай добро и зло». Но не такова участь избранных. Кто хочет витать в «стихии чуждой, запредельной», тому нужно отбросить туда, к рабам и поденщикам, эту способность различения хорошего и дурного:

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты, как Бог, —
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог:
Пари, всезрящий и всеильный, —
И с незапятнанных высот
Добро и зло как прах могильный
В толпы людские отпадет.

Подобно Тютчеву, Фет поет о бессилии человеческого языка, о бессилии разума и о силе поэтической фантазии. Философу никогда не выразить сущности своей души, поэт легко проникает в сущность явлений. «Как беден наш язык! — Хочу и не могу», — говорит он, видоизменяя знаменитое тютчевское: «Как сердцу высказать себя?» Ни другу,

ни врагу не передать того, что «буйствует в груди прозрачною волной». И он знает, что отсюда возникает «роковая ложь», бесплодное «вечное томление сердец», бессилие мудреца, «клонящего маститую голову». Но если бессилён мудрец, служитель разума, объяснить сущность вещей, то «крылатый слова звук», вылетающий из уст поэта, передает то, чего не могут передать ясные слова мудреца, — «и темный бред души, и трав неясный запах».

Фет не был бы романтическим поэтом, если бы он не увидел в явлениях природы один из тех путей, через которые его душа приобщалась к бесконечному.

Здесь темный дуб и ясень изумрудный,
А там лазури тающая нежность...
Как будто из действительности чудной
Уносишься в волшебную безбрежность.

И в дальний блеск душа лететь готова,
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилось когда-то.

По П. Когану